

ТАМБОВСКИЙ КОМСОМОЛ В КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1929–1932 гг.)

В.А. Ипполитов

*Кафедра «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ»;
vladimir.ippolitov@mail.ru*

Ключевые слова и фразы: коллективизация; комсомол; крестьянское сопротивление; правый уклон; раскулачивание; репрессии.

Аннотация: Раскрыты задачи, формы и виды деятельности тамбовских комсомольцев, участвующих в сплошной коллективизации крестьянства в начале 1930-х гг. Комсомол рассмотрен как объект и субъект коллективизации. Особое внимание обращено на противоречивое отношение рядовых комсомольцев к политике партии.

Историография, рассматривающая участие комсомольских организаций Тамбовского края в коллективизации довольно значительна. Для советского периода характерна идеологизация и героизация деятельности ВЛКСМ. Такой подход характерен для юбилейных трудов [1], а также исследований В.А. Алексеева [2] и Г.И. Горбуновой [3]. С началом перестройки историки стали отходить от официальной партийной интерпретации деятельности молодежи в коллективизации. В постсоветский период участие комсомола в реконструкции сельского хозяйства подробно рассмотрено в работах А.А. Слезина [4–6] и Р.Л. Никулина [7]. Цель данной статьи – опираясь на новые документы, в том числе материалы первичных организаций, рассмотреть участие комсомольцев Тамбовщины в коллективизации.

Курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства партийное руководство страны провозгласило в 1927 г. на XV съезде ВКП(б). Был декларирован «постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия)» [8, с. 17]. Непосредственным толчком к проведению коллективизации стал хлебозаготовительный кризис 1927–1929 гг. Партийное руководство стало отходить от политики нэпа.

В ноябре 1929 г. в статье «Год великого перелома» был провозглашен лозунг ускорения темпов коллективизации. Сталин отмечал «небывалый успех в деле колхозного строительства», «в колхозы пошел середняк» [9, с. 125]. Ноябрьский пленум партии подтвердил курс на сплошную коллективизацию крестьянства. Местное руководство стремилось проявить в данной ситуации инициативу. Секретарь Тамбовского окружкома ВКП(б) О.Т. Галустян просил наркома земледелия Я.А. Яковлева включить его округ в список подлежащих коллективизации в течение одного года [10, с. 67]. Центрально-Черноземная область была отнесена ко второй группе районов и должна была закончить коллективизацию к весне 1932 г. Однако на местах началась безудержная гонка за проценты коллективизации.

Перед партией стояла чрезвычайно сложная задача – объединить миллионы крестьянских хозяйств в колхозы. С учетом немногочисленности сельских партийных ячеек в деревне (во всей Центрально-Черноземной области – 60,9 тыс. человек) [12, с. 63] огромная работа была возложена на комсомольские организации. Комсомол как резерв партии должен был стать «застрельщиком» коллективизации. К тому времени он давно стал молодежной организацией, подчиненной партии. Руководство страны продолжало использовать молодежь для реализации хозяйственно-политических кампаний. Это противоречило основным воспитательным задачам организации. Комсомол как организация классовая должен был показать себя в непримиримой борьбе с врагами социализма. Молодежь была вынуждена вступить в борьбу за реконструкцию сельского хозяйства.

Комсомол в этот период выступал как субъект и объект коллективизации. Руководящие партийные и союзные органы требовали скорейшего выполнения заданий. Каждой ячейке давалось задание организовать не менее одного мощного колхоза (не менее 1000 га) [13. Д. 106, Л. 15]. Каждый комсомолец должен был завербовать три крестьянских хозяйства в колхоз.

Практически не учитывались местные экономические условия. Ставка была сделана на раскол деревни на два антагонистических лагеря: бедняки и батраки против кулаков. К этому моменту на Тамбовщине настоящих кулаков практически не осталось, в них записывали всех противников коллективизации. Комсомольцы особенно широко вели массово-разъяснительную работу с беднотой и батрачеством. Организовывались митинги, слеты, беседы, встречи и т.д. Партия требовала всевозможными способами активизировать эту работу, недостаточное усердие могло быть отнесено к «правому уклону». Однако идея колхоза была непопулярна даже среди бедноты. Ходили слухи, что в колхозе будут бить плетью [14. Д. 151. Л. 12] и давать по 30 фунтов хлеба в месяц [14. Д. 171. Л. 65]. Власти списывали это на кулацкую агитацию и сплетни.

Каждый комсомолец, связанный с сельским хозяйством, обязан был вступить в колхоз. Руководство пристально следило за процентом коллективизации комсомольцев, призывая исключать уклоняющихся. В результате чистки организации процент комсомольцев, состоящих в колхозе, повышался. Таким образом, исключение играло на руку районным властям, давая возможность выслужиться перед начальством.

Комсомольцы были обязаны вести разъяснительную работу в своих семьях, чтобы втянуть родителей в колхозы. Часто это приводило к семейным конфликтам и взаимной ненависти. Родители одного комсомольца возмущались: «Выучили дурака, а вон он против Отца небесного, да еще коммунию хвалит» [14. Д. 145. Л. 24]. В случае упорного нежелания членов семьи вступить в колхоз комсомолец должен был отделиться от родителей и вступить в колхоз самостоятельно. На практике, в Ивановской ячейке Жердевского района из колхоза вышли четыре комсомольца. Их родители в колхоз не вступали, а сами комсомольцы не имели средств для существования [15. Д. 152. Л. 29].

Комсомольцев ставили перед выбором: остаться в союзе, несмотря на неприятие политики коллективизации, или уйти и из комсомола. Исключение из комсомола означало лишение шансов на дальнейший жизненный рост. Многие комсомольцы были искренне уверены в правильности курса партии, верили, что в колхозе их ждет новая жизнь. Но подавляющее большинство комсомольцев заняли пассивную выжидательную позицию, ничего не делая по коллективизации. Это постоянно констатировали районные и окружные органы. Секретарь Дубровского РК ВЛКСМ иронизировал: «работа по коллективизации идет хорошо – ячейки ни черта не делают, что делать дальше не знаю» [14. Д. 151. Л. 35]. Несмотря на призывы к решительным действиям, ситуация изменялась очень медленно.

Стремясь ускорить коллективизацию, партия и комсомол провозгласили борьбу с «правым уклоном» и левыми перегибами. Комсомольцы должны были бороться на два фронта. Однако малообразованные сельские комсомольцы слабо

представляли, что означает правый уклон и чем он отличается от левого. Так, комсомолка М. Смирнова на общем собрании по чистке рядов на вопрос о сущности правого уклона, ответила, что он за усиление нажима на крестьянство [14. Д. 158. Л. 71]. Окружком отмечал, что значительная часть комсомольцев и даже часть актива являются политическими близорукими и классово нечуткими. На местах «правыми оппортунистами» становились все неугодные руководству члены комсомола. «Правый уклон» проявлялся в сочувствии к раскулаченным. В Жердевском районе комсомольцы Медведев и Курепин отказались охранять выселенных кулаков. В Пичаево комсомолец Каширин отказался идти проводить опись имущества кулака, говорил: «мне его жалко» [15. Д. 64 а. Л. 21]. За подобные действия следовало исключение из союза.

Сталинское руководство разжигало борьбу с чуждыми элементами в комсомоле. Даже те комсомольцы, которые порвали со своими родственниками, воспринимались как классовые враги. Руководство комсомола решительно провозглашало борьбу с теорией перевоспитания «молодого кулака».

Комсомольцы, как передовики колхозного строительства в местах, где еще не было колхозов, вступали в инициативные группы. Решение о создании колхоза должно было быть утверждено крестьянским общим собранием. Мирно и спокойно такие собрания проходили очень редко. Комсомолец Кирсановского района И. Синелов вспоминал, что, выходя на порог после одного из собраний, почувствовал сильный удар в голову и потерял сознание [16, с. 2]. Отдельные комсомольцы, стремясь добиться согласие на вступление в колхозы, применяли угрозы, насилие, провокации. Например, в Данковском районе комсомолец Куприн кричал на собрании: «Кто в колхоз не пойдет, тот контрреволюционер», и, чтобы остановить шум и спор, выстрелил в воздух [14. Д. 171. Л. 58].

Крестьяне обычно не решались открыто выступить против коллективизации, но нередко устраивали нападения на комсомольцев. Срывали под различными предлогами собрания по вопросам колхоза. Например, кулаки врываются в избу, где проходило собрание и кричали: «Пожар!» [14. Д. 155. Л. 3]. Встречались случаи срывов комсомольских собраний. В Жердевском районе крестьянин Иван Сажухин ворвался в красный уголок, «хватал комсомольцев за грудки, грозил перерезать их всех, обзывал всю ячейку бандитами» [15. Д. 36. Л. 5]. Сведения о таких случаях немедленно направлялись в ГПУ. Комсомольцы воспринимались крестьянами как проводники ненавистной им политики. Авторитет комсомола в их глазах упал. На насилие крестьяне отвечали насилием, нередко были убийства, анонимные письма с угрозами, избиения, покушения, уничтожение скота, поджоги имущества наиболее ревностных комсомольцев [14. Д. 146. Л. 15].

Многие комсомольцы, понимая негативные последствия коллективизации, выражали несогласие с политикой партии. Отдельные комсомольцы говорили: «зачем идти в колхоз, хорошего там не увидишь» или «загоняют в колхоз, чтобы еще больше обдирать» [14. Д. 146. Л. 29]. Они вели антиколхозную агитацию. Например, в Козловском районе комсомолка Королькова собрала вокруг себя десять женщин и произнесла речь: «Вот до чего доходит советская власть: грабит, говорит свобода, а ее нет, одни только слова» [14. Д. 149. Л. 77]. Участились случаи отказа от комсомольского билета. Комсомолец П.А. Маслов не работал по коллективизации, на собрании категорически заявлял: «комсомольским билетом не дорожу» [15. Д. 76. Л. 76]. Он считался политически грамотным. Такие случаи показывают, что сопротивление колхозному строительству объяснялось не только «отсталостью», но и конкретными убеждениями.

Комсомольцы 25-тысячники должны были помочь деревне в социалистической реконструкции сельского хозяйства. Однако часто они не разбирались в сельском хозяйстве, надлежащих знаний не имели («трудно работать, когда не знаешь крестьянскую обстановку»). Крестьяне враждебно встречали комсомоль-

цев. Комсомолка из Козлова жаловалась, что на съемной квартире можно «с голоду подохнуть», крестьяне хитрые, у них ничего не купишь [14. Д. 151. Л. 84].

Особенно негативную роль в процессе коллективизации играли невероятно быстрые темпы, на которых настаивали представители власти. Официально для средней полосы Центрально-Черноземной области на 1930 г. процент коллективизации был установлен в 40–50 % [14. Д. 141. Л. 65]. Завышенные задания выполнялись и перевыполнялись местным руководством. Отставание в темпах считалось правым уклоном. Районы соревновались друг с другом в процентах коллективизации. Например, секретарь Троекуровского РК в письме в Козловский округом констатировал рост процента коллективизации с 23 в течение полутора недель до 50 %. К весеннему севу он обещал все 100 % [14. Д. 151. Л. 93]. Русановский райком ВЛКСМ впоследствии признавал, что коллективизация в районе была проведена в один месяц, административным путем [15. Д. 15. Л. 1]. Такая тенденция наблюдалась повсеместно.

Комсомольцы, как непосредственные проводники политики партии, не могли остаться в стороне и от участия в раскулачивании. Ликвидация кулака шла параллельно с коллективизацией. Имущество кулаков должно было стать взносом бедноты в колхоз. Руководство страны стремилось террором против кулаков заставить основную колеблющуюся массу середняков вступать в колхозы. Комсомольцы входили в группы по раскулачиванию. Относились к этой «работе» комсомольцы по-разному. Уполномоченный коллективизации по Большеломовицкому сельсовету Пичаевского района сообщал о положении дел: «из 7 комсомольцев надежных только 2 человека, на остальных положиться нельзя» [17, с. 92].

Комсомольцы производили обыски, изъятия имущества у кулаков. Часто имущество отбиралось подчистую, а сама процедура раскулачивания напоминала грабеж. Имущество не описывалось и расхищалось. Многим потом пришлось нести ответственность за присвоение и скупку кулацких вещей. Одна комсомолка, оправдываясь, заявила, что «не было распоряжения, что такие вещи нельзя покупать» [15. Д. 66. Л. 31]. Комсомольцы организовывали выселение кулаков, охраняли их вещи.

Однако более широко были распространены настроения сочувствия к раскулаченным. Например, в Алгасовском районе комсомольцы защищали кулака из боязни разорить его [13. Д. 93. Л. 8]. Комсомольцы защищали своих родственников, односельчан, заявляя, что кулаков среди них нет (Уваровский район) [13. Д. 93. Л. 8]. Крайний случай «отсутствия классового чутья» был отмечен в Пересыпкинском районе, где комсомольская ячейка скрывала в своих рядах кулака [13. Д. 93. Л. 8].

Сталин и его ближайшее руководство сознательно не давало конкретных инструкций о том, какими методами склонять крестьян к вступлению в колхоз; не был принят устав сельхозартели. На практике комсомольцы стремились к высшей форме коллективного хозяйства – коммуне. Бывало, что даже в колхозе обобществлялся весь скот, дома, рабочий инвентарь [14. Д. 151. Л. 49]. Полное обобществление скота в колхозах приводило к его массовому убою. Причем комсомольцы не оставались в стороне. В Троекуровском районе комсомолец при вступлении в колхоз зарезал свою корову и заявил, что «в колхозе скотина будет» [14. Д. 171. Л. 66]. Поголовье скота очень долго не могло восстановиться после этого удара.

Как уже говорилось, крестьяне сопротивлялись коллективизации в основном пассивно. Но к февралю–марту 1930 г. число организованных массовых выступлений в Центрально-Черноземной области стремительно выросло. Регион числился среди самых неспокойных. На случай кулацкой «заварушки» в Староюрьевском районе организовали вооруженный коммунистический отряд, в который входили 39 комсомольцев [14. Д. 151. Л. 26]. Сталин понял, что местные власти добились максимально возможных успехов в насильственной коллективизации. Дальнейшее обострение ситуации грозило гражданской войной. Сталин предпринял ловкий тактический шаг: в статье «Головокружение от успехов» он свалил

всю ответственность за допущенные перегибы на местное руководство. Партийный лидер осудил «чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам» [18, с. 198].

Крестьянство с радостью восприняло статью Сталина. Они полагали, что правительство отказывается от своих намерений. Начался массовый выход крестьян из колхозов. Комсомольцы отнеслись к статье неоднозначно: часть открыто возмущалась выходу данной статьи. Наиболее ревностные сторонники коллективизации сожалели: «рано написана статья» [14. Д. 171. Л. 63]. Среди комсомольцев, враждебно настроенных против колхозов, она была воспринята положительно. Стали наблюдаться выходы комсомольцев из колхоза. Обком ВЛКСМ вынужден был требовать провести решительную борьбу с элементами растерянности и паникерства в среде руководящего актива [14. Д. 145. Л. 33].

Комсомольская верхушка, еще недавно требовавшая максимального ускорения темпов коллективизации, переключилась на «борьбу с перегибами». Козловский окружком требовал предоставления данных по нарушениям закона комсомольцами. Наиболее характерными нарушениями были администрирование, угрозы, погоня за процентами, раскулачивание середняка, увлечение коммунарами и гигантами [14, Д. 157, Л. 15]. Особоуполномоченный отмечал, что в селе Орловка комсомольцы поступали с населением «как белогвардейцы» (допускались угрозы, обыски, грабеж) [14. Д. 152. Л. 138]. В Данковском районе за применение к бедноте административных мер комсомольцы были отданы под суд и осуждены [14. Д. 171. Л. 66]. Партийная верхушка часто стремилась списать свои собственные действия на комсомольцев. Однако репрессии против комсомольцев не носили массового характера. Часто секретаря райкома просто переводили в другое место.

В результате борьбы с перегибами комсомольцы попали в неопределенное положение. Государство продолжало курс на коллективизацию, но вместе с тем требовало придерживаться принципа добровольности. Большинство комсомольцев предпочитало ничего не делать. Районное руководство стремилось использовать комсомольцев для агитации против выхода крестьян из колхоза. Часто она имела определенный успех. Однако отдельные комсомольцы наоборот подговаривали к выходу из колхоза. Был отмечен случай сбора подписей на выход из колхоза [14. Д. 171. Л. 65].

Весной и летом правительство не предпринимало активных попыток дальнейшей коллективизации. Крестьяне должны были посеять и собрать урожай. Осенью 1930 г. партия начала второй виток сплошной коллективизации. В районы вновь пошли задания по процентам коллективизации. Жердевский район к весенней посевной кампании 1931 г. должен был быть коллективизирован на 93 % [15. Д. 52. Л. 3]. Преследовались перегибы и продолжалась борьба с правыми уклонистами. Но такого размаха, как весной и летом 1930 г., не наблюдалось. Зимой 1932 г. бюро Жердевского райкома ВЛКСМ вновь констатировало погоню за «дутыми» цифрами коллективизации (прием в сутки 200 единоличников в колхозы) [15. Д. 64 а. Л. 1]. Райком предостерегал комсомольцев от повторения ошибок 1930 г. Государство всеми силами подталкивало единоличников к вступлению в колхозы, индивидуальный налог разорял их хозяйство. Многие крестьяне смирились с колхозами.

Но до сих пор еще не все сельские комсомольцы состояли в колхозах. Перспектива быть исключенным часто казалась более привлекательной, чем тяжелая колхозная жизнь. Даже в 1934 г. отдельные члены союза оставались вне колхоза. Недовольные положением в селе комсомольцы стремились его покинуть. Город и огромные стройки пятилетки обещали лучшую жизнь.

Коллективизация имела огромные последствия для истории нашей страны. Раскулачивание, разорение, голод, потеря крестьянами экономических стимулов ведения хозяйства надолго подорвали производительные силы деревни. В этот период комсомол выполнял в большей степени хозяйственно-политические функ-

ции, а не воспитательные, как говорилось в уставе. Комсомол, как помощник партии, вынужденно проводил линию коллективизации. Участие в коллективизации и раскулачивании приносило вред комсомольской организации. Классовая борьба и культ насилия вытесняли общечеловеческие ценности. Многие комсомольцы чувствовали, что поступают «не по совести», но подчинялись союзной дисциплине. Это приводило к серьезному внутреннему конфликту, воспитывало конформизм. Большинство комсомольцев стремилось остаться в стороне от выполнения заданий руководства. Вместе с тем многим комсомольцам, особенно из города, была свойственна вера в возможность быстрого построения социализма в отсталой деревне. Комсомол был причастен к массовым перегибам и преступлениям в ходе коллективизации. Несмотря на то что основная ответственность за них лежала на партийном руководстве, это не оправдывало насилия, которое применяли комсомольцы по отношению к крестьянству.

Список литературы

1. Очерки истории комсомольских организаций Центрального Черноземья / под ред. В.И. Логунова. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1978. – 238 с.
2. Алексеев, В.А. Участие комсомольской организации ЦЧО в подготовке и проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства (1928–1932) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Алексеев Владимир Александрович. – М., 1969. – 300 с.
3. Горбунова, Г.И. Комсомол Центрально-Черноземной области – верный помощник партийной организации в борьбе за массовую коллективизацию сельского хозяйства (1928–1932 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Горбунова Галина Ивановна. – М., 1970. – 210 с.
4. Слезин А.А. Комсомол и коллективизация (на материалах ЦЧО) / А.А. Слезин // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. науч. ст. / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 1996. – С. 180–190.
5. Слезин, А.А. Комсомол Центрально-Черноземной области на начальном этапе сплошной коллективизации / А.А. Слезин // Клио. – 2000. – № 2. – С. 202–213.
6. Слезин, А.А. Комсомол в коллективизации: внутри и против общекрестьянского фронта / А.А. Слезин // История в подробностях. – 2011. – № 10. – С. 66–73.
7. Никулин, Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации (1929–1930 гг. На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Р.Л. Никулин. – Тамбов, 2003. – 227 с.
8. Пятнадцатый съезд ВКП(б). 2–19 декабря 1927 г. : стенограф. отчет // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, КПСС. – М., 1970. – Т. 4. – С. 12–74.
9. Сталин, И.В. Год великого перелома / И.В. Сталин // Сочинения : в 13 т. – М., 1949. – Т. 12. – С. 118–135.
10. Письмо секретаря Тамбовского окружкома ВКП(б) О.Т. Галустьяна Я.А. Яковлеву 18 декабря 1929 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939 : в 5 т. / гл. ред. совет: В. Данилов (гл. ред.) [и др.]. – М., 2000. – Т. 2. – С. 67.
11. Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, КПСС. – М. 1970. – Т. 4. – С. 383–386.
12. Есиков С.А. Коллективизация сельского хозяйства в Центральном Черноземье: трагедия российской деревни / С.А. Есиков. – Тамбов : Пролетарский светоч, 2011. – 168 с.

13. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). – Ф. П-1214. – Оп. 1.
 14. ГАСПИТО. – Ф. 379. – Оп. 1.
 15. ГАСПИТО. – Ф. 1172. – Оп. 1.
 16. Слезин, А.А. Это наша с тобой биография / А.А. Слезин // Ленинец. – 1988. – 18 окт.
 17. Кротова, Т.А. Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х гг. / Т.А. Кротова. – Тамбов : Юлис, 2007. – 230 с.
 18. Сталин, И.В. Головокружение от успехов / И.В. Сталин // Сочинения : в 13 т. – М., 1949. – Т. 12. – С. 191–199.
 19. Слезин, А.А. Этатизация комсомола: этап второй / А.А. Слезин // Вестн. Тамб. гос. техн. ун-та. – 2009. – Т. 15, № 1. – С. 249–255.
-

Tambov Komsomol in Collectivization of Agriculture (1929–1932)

V.A. Ippolitov

*Department "History and Philosophy", TSTU;
vladimir.ippolitov@mail.ru*

Key words and phrases: collectivization; country resistance; dispossession of the kulaks; Komsomol; repressions; right bias.

Abstract: The paper discusses the goals, forms and activities of Tambov Komsomol members participating in continuous collectivization of the peasantry in the early 1930s. Komsomol is considered as an object and the subject of collectivization. Special attention is given to the contradictory attitude of ordinary members of the Komsomol to the Party policy.

Tambower Komsomol in der Kollektivierung der Landwirtschaft (1929–1932)

Zusammenfassung: Es sind die Aufgaben, die Formen und die Formen der Tätigkeit der in der Vollkollektivierung der Bauernschaft am Anfang der 1930. Jahre teilnehmenden Komsomolzen in Tambow aufgedeckt. Der Komsomol ist als Objekt und Subjekt der Kollektivierung betrachtet. Die besondere Aufmerksamkeit ist der widersprüchlichen Haltung der einfachen Komsomolzen zur Parteipolitik geschenkt.

Komsomol de Tambov dans la collectivisation de l'agriculture (1929–1932)

Résumé: Sont découverts les buts, les formes et les types de l'activité des komsomols de Tambov dans la complète collectivisation de la paysannerie au début des années 1930. Le komsomol est examiné comme un objet et sujet de la collectivisation. Une attention particulière est attirée sur la contradiction des relations de simples komsomols envers la politique du parti.

Автор: *Ипполитов Владимир Александрович* – аспирант кафедры «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Есикова Милана Михайловна* – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».
